

ISSN 2542-2332

2018 №1 (14)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

ЭТНОЛОГИЯ
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЯ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г. Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О. Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н. И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

Журнал утвержден Научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №1 (14)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

ETHNOLOGY
RELIGIOUS STUDIES
ARCHAEOLOGY

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was Founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadolov, doctor of culturology (Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

G. G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

D. S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

O. Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЕВРАЗИИ

Билялова Г. А. Некоторые аспекты истории образования Казахского ханства9

Раздел II

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Хабдулина М. К., Билялова Г. Д., Бонора Ж. Л. Распространение ислама
в восточном Дашт-и-Кыпчаке по материалам городища Бозок16

Раздел III

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Атдаев С. Дж. Сведения о диких кошках Туркменистана
(в записках исследователей XIX — начала XX в.) 31

Раздел IV

ПРОЗЕЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Абдуллаева С. Ш. Интерпретация некоторых особенностей ислама
в российских и европейских источниках XVII–XXI вв.45

Бытко С. С. Рукописный старообрядческий «Псевдозластоуст» второй
половины XIX в. из собрания Лаборатории археографических исследований
Уральского федерального университета53

Хвастунова Ю. В. Экстатические практики — «небесные диктовки»
на примере группы Ак Жанг в Республике Алтай63

Тимошук А. С. Вайшнаизм: стратегии конструирования и концептуализации72

Раздел V

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дашковский П. К., Шеринёва Е. А. Этнорелигиозный аспект развития
образования на Алтае в 20-е г. XX в. 81

Баталко Т. И. Особенности национально-культурной политики белорусизации
(психологический аспект)93

<i>Кузинер И. Э.</i> Особенности моделей взаимодействия старообрядцев бегунского (страннического) толка и советских органов власти в 20-е гг. XX в.	100
<i>Чеджемов С. Р.</i> Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедовавших ислам, в Турцию).....	108

Раздел VI

**РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

<i>Цогзолмаа Нямаа.</i> Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии	117
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	125
----------------------------------	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	127
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE HISTORY OF ANCIENT AND MEDIEVAL NATIONS OF EURASIA

Bilyalova G. A. New aspects of the history of formation of the Kazakh khanate9

Section II

ETHNIC PROCESSES AND TRADITIONAL CULTURE OF THE NATIONS OF EURASIA

Khabdulina M. K., Bilyalova G. D., Bonora G. L. The diffusion of Islam in the eastern Dasht-i-Kipchak according to the materials from Bozok..... 16

Section III

PROSELYTE RELIGIONS AND TRADITIONAL BELIEFS OF THE NATIONS OF RUSSIA AND CENTRAL ASIA

Atdaev S. J. Information about wild cats of Turkmenistan (in the note of researchers XIX — the beginning of XX centuries)..... 31

Section IV

RELIGIOUS AND NATIONAL POLICY: HISTORY AND MODERNITY

Abdullaeva S. Sh. The interpretation of some features of Islam in Russian and European sources of XVII–XXI centuries.....45

Bytko S. S. Manuscript staroboredschesky “Pseudozlatoust” of the second half of XIX century from the collection Laboratory of archeographic research of the Ural Federal University.....53

Hvastunova J. V. Ecstatic practices — “divine dictation” on the example of Ak Jang the Republic of Altai63

Timoshchuk A. S. Vaishnavism: strategies for construction and conceptualization.....72

Section V

THE RESULTS OF THE MONITORING OF ETHNIC AND RELIGIOUS RELATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA AND ABROAD

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Ethno-religious aspect of education development in Altai in the 20th gg. XX century 81

Batalko T. I. Peculiarities of the national-cultural policy of belarusization (psychological aspect)93

<i>Kuziner I. E.</i> The specifics of the interaction models of the old believers of the runaways (wanderings) confession and soviet authorities in the 20es of XX century.....	100
<i>Chedzhemov S. R.</i> Religious policy of the Russian Empire in the mid 19th century (for example, the migration of peoples of the Caucasus, followers of Islam in Turkey).....	108

Section VI

**ETHNOCULTURAL PROCESSES IN ANCIENT TIMES
AND THE MIDDLE AGES IN EURASIA**

<i>Nyamaa Tsogzolmaa.</i> The spread of new religious movements and their impact on the education system of Mongolia	117
---	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	125
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	127
--	-----

Lozits'kii V. S. Politika ukrainizatsii v 20–30-kh rr.: Istoriia, problemy, uroki [The Politics of Ukraine in the 20's and 30's: Istoriya, problems, lessons]. *Ukr. istorichny zhurnal*. 1989. № 3. Pp. 16–20.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 4.

Nenarokov A. P. Iz opyta natsional'no-iazykovoï politiki pervykh let Sovetskoi vlasti [From the experience of the national language policy of the first years of Soviet power]. *Istoriia SSSR*. 1990. № 2. Pp. 2–14.

Platonov R. P. Lesy: Gistoryka-dakumental'nyia narysy ab liudziakh malaviadomykh padzeiakh dukhounaga zhyttsia u Belarusi 20–30-kh gg [Historical and documentary essays on people of little-known events of the spiritual life of the 20–30-ies in Belarus]. Minsk, 1998. 326 p.

Picheta V. I. Belaruskaia mova iak faktar natsyianal'na-kul'turny [Belarusian masters of fact are nattsyyanalna-cultural]. Minsk, 1923. 35 p.

Sukhotskaia S. Iu. Obrazovanie na Vitebshchine v 1920-kh gg.: natsional'nyi aspekt [Education in the Vitebsk region in the 1920s: the national aspect]. *Adukatsyia na Vitsebshchynе: gistoryia i suchasnasts'*: materyialy respublikanskai navuk.-praktych.kanf., Vitsebsk, 30–31 sakavika 2010 g./redkal.: U. Akunevich [i insh.]. Vitsebsk, 2010. Pp. 124–128.

И. Э. Кузинер

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия)

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕГУНСКОГО (СТРАННИЧЕСКОГО) ТОЛКА И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ в 20-е гг. XX в.

Отечественная историческая наука, пережившая опыт влияния сначала советской мировоззренческой системы, а затем, в 1990-е и 2000-е гг., и антисоветских клише, с одинаковой тенденцией к упрощенному толкованию исторических событий и стремлением описать многогранные процессы, происходившие в нашей стране в прошлом веке, устаревшим языком бинарных оппозиций, в последние годы обозначает для себя путь к объективному взгляду на события последних ста лет. Путем нахождения парадоксов в столь привычных черно-белых антагонистических схемах мы можем продемонстрировать, насколько сложными порой предстают взаимоотношения, казалось бы, непримиримых противников. Одним из подобных парадоксальных примеров могут служить взаимоотношения религиозных организаций и советского государства в первые после революционные годы. В настоящей статье проанализированы некоторые перипетии взаимодействия представителей такого мощного русского религиозно-мировоззренческого движения, как староверие и, конкретно, его крайнего направления — бегунства-странничества с официальными советскими органами.

Ключевые слова: старообрядчество, СССР, антирелигиозная политика, бегуны, странники, государственно-конфессиональные взаимоотношения.

I. E. Kuziner*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg (Russia)*

THE SPECIFICS OF THE INTERACTION MODELS OF THE OLD BELIEVERS OF THE RUNAWAYS (WANDERINGS) CONFESSION AND SOVIET AUTHORITIES IN THE 20s OF XX CENTURY

The Russian historical humanity, which first experienced the influence of the Soviet worldview system, and then, in the 1990s and 2000s, also suffered anti-Soviet clichés, with their similar tendency to a simplified interpretation of historical events and the desire to describe the multidirectional processes that took place in our country in the past Century, by the obsolete language of binary oppositions, in recent years finds a way for itself to take an objective view of the events of the last century. By finding paradoxes in such understandable black and white antagonistic schemes, we can demonstrate how complex sometimes the seemingly irreconcilable opponents seem to be. One of the paradoxical examples is the relationship between religious organizations and the Soviet state in the first post-revolutionary years. In this article, we will analyze in more detail some features of the interaction of participants of the Russian religious movement, as the Old Believers and, specifically, its extreme industry, runaways (wanderings) with Soviet officials.

Keywords: Old Believers, the USSR, anti-religious policies, runners, strangers, state-confessional relations.

DOI: 10.14258/nreur(2018)1-10

При общем крайне неблагоприятном для взаимоотношений антирелигиозном фоне 20-е гг. XX в. дали нам множество доселе фантастических вариантов взаимодействия части старообрядцев (особенно радикальных согласий) с формирующейся бюрократической системой советского государства. В разных концах страны мы фиксируем локальные попытки поиска общих интересов и возможных сценариев сотрудничества. Молодая советская власть, еще не успевшая распространить свою идеологическую монополию на все сферы жизни общества, вступает в общение с представителями различных религиозных направлений, ранее подвергавшихся гонениям со стороны дореволюционной государственной системы и господствующей церкви. Центральным эпизодом этого движения можно назвать публикацию в 1921 г. воззвания Наркомзема [Эткинд, 1998: 652], в котором большевики предлагают землю для сельскохозяйственного использования «сектантам и старообрядцам». Конечно, протягивая руку для сотрудничества, большевики в первую очередь обращались к сектантству, к которому, руководствуясь дореволюционным заблуждением, относили и старообрядцев радикальных толков [Пыжиков, 2015: 47–48].

Причинами кратковременного сближения раскольников и большевиков могли послужить разнообразные факторы, одним из важнейших в череде которых можно назвать влияние исследований Бонч-Бруевича с его стремлением разглядеть связь ме-

жду идеалами коммунистической догматики и общежитийными особенностями функционирования старообрядческих и сектантских хозяйств [Эткинд, 1998: 648], равно как и крайний нонконформизм в отношении имперского государства. И если большевик-религиовед в большей степени наделял подобными чертами сектантские общины, то его предшественники, расколоведы XIX в. Афанасий Щапов и Николай Аристов прослеживали социальную подоплеку непосредственно в старообрядческом религиозном движении [Паскаль, 2011: 39]. В частности, исследования Щапова, сконцентрированные на антисамодержавных тенденциях в старообрядческом движении, оказали серьезное влияние на его последователей — революционеров, в дальнейшем искавших контактов с раскольниками, особенно крайних деноминаций [Сажин, 2015: 116].

Другим фактором можно назвать поиск советской власти идеологических союзников в борьбе с ранее господствующей Русской православной церковью, и встречные поиски старообрядческих сообществ возможностей легализоваться в новых условиях, когда никонианская церковь более не является единственным актором конфессионально-государственного процесса со стороны религиозных организаций. Так или иначе, в 1920-е гг. мы можем зафиксировать несколько независимых друг от друга попыток движения навстречу объектам исследования данной статьи. Сближение это не было глобальным, а короткий «медовый месяц» закончился с «Великим переломом» к началу 1930-х гг. Тем не менее ряд примеров такого парадоксального взаимодействия носителей, казалось бы, несовместимых мировоззренческих взглядов позволяет нам если и не пошатнуть дихотомические рамки противодействия «безбожных властей» и «религиозников-мракобесов», то хотя бы обозначить точки соприкосновения объектов исследования.

История старообрядчества периода первых десятилетий XX в. с момента прихода к власти большевиков изучена достаточно подробно. Проблематикой конфессионально-государственных отношений старообрядцев и советской власти в вынесенный в заголовки исторический момент занимались в разное время Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова, Е. Е. Дутчак. Однако не только их исследования носили, как правило, локально географический (Урал и Западная Сибирь) или локально конфессиональный характер (представители часовенного согласия — у Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой и бегуны-странники — у Е. Е. Дутчак). Общее систематизирующее исследование данного вопроса в рамках указанного периода еще ждет своего автора.

В отношении старообрядцев нужно сделать традиционную оговорку. Принимая во внимание все многообразие мировоззренческой палитры старообрядчества, понимая, насколько далеки в догматическом и религиозно-бытовом плане друг от друга различные толки и согласия староверов, мы можем лишь с натяжкой говорить о существовании каких-либо общих взглядов на идеальные модели конфессионально-государственных взаимоотношений у достаточно интегрированных в дореволюционное общество купцов и промышленников-поповцев и гораздо более социально обособленных беспоповцев, в религиозном мировоззрении которых некоторые исследователи усматривают антисобственнические черты, близкие идеологии большевиков [Пыжиков, 2016: 73, 82–83].

Однако именно на примере представителей старообрядчества, с разной степенью интенсивности, но практически весь период с середины XVII в. до Февральской революции, подвергавшихся гонениям со стороны царской власти, безусловно, связывающих определенные надежды на изменение своего положения с трансформацией политиче-

ской ситуации в 1917 г., мы можем судить о том, насколько многогранна и сложна проблема функционирования религиозных обществ в условиях атеистического государства.

Бегунское, или странническое согласие, о представителях которого пойдет речь ниже, является одним из крайних в широком спектре разнообразных старообрядческих толков. Отколовшись от филипповцев во второй половине XVIII в., странники сформировали свое собственное богословие, центральным аспектом которого являлось «учение о побеге» как единственном способе спасения из мира воцарившегося Антихриста [Зеньковский, 2009: 336]. Пережив несколько расколов на почве отношения различных общин к принятию/непринятию денег и документов, бегуны избрали для себя путь изоляции, минимизировав до предела контакты с внешним миром. Наряду с «крещеными» странниками, постоянно меняющими место пребывания, существуют и оседлые («оглашенные»), в обязанности которых входит прием в своих жилищах бегствующих. Как правило, перед смертью вторые принимали крещение и переходили в разряд первых, начиная тем самым свой «побег». На момент описываемых событий верующие данного согласия ввиду особенностей своей жизнедеятельности распространились по всей территории бывшей Российской империи и за ее пределами, оставаясь при этом гораздо менее заметными в социально-политическом плане, чем представители крупных старообрядческих общин: поповцев белокринницкой иерархии или беспоповцев: поморцев и федосеевцев. Тем не менее в настоящее время доступен ряд исторических материалов, на основании которых можно судить о том, как странники воспринимали советскую власть и какие модели контакта с ней считали приемлемыми.

Частым лейтмотивом восприятия революционных событий и последующего утверждения большевистского государства становится эсхатологический нарратив.

Наставник бегунской общины Бакчарской тайги старец Левушка прямо определяет отречение Николая II как точку отсчета 45 дней так называемой проповеди Илии и Еноха, за которой последует Конец Света [Дутчак, 2007: 264]. В странническом сочинении «Лекция о последнем отступлении в России и казнях Божиих» революционные события и становление советской власти приобретают свойства библейской предопределенности и закономерности. «Бог посетит на высоте царей, и они будут свергнуты и посажены в ров, и через несколько времени будут судиться, как судится всякий преступник» [Дутчак, 2007: 265].

Восприятие новой государственной системы как «безбожной, но избавительной власти», например, фиксируется в «Очерке истории церкви» страннического инок Никиты, который, помимо прочего, отмечает усиливающуюся тенденцию к легализации среди своих единоверцев [Дутчак, 2007: 268]. Кроме того, в Пермской области в данный период отмечается, что странники разворачивают крайне не характерную для этого согласия миссионерскую деятельность и даже добиваются некоторых результатов [Безгодов, 2017: 286]. Ослаблением градуса антигосударственной радикальности можно объяснить случай избрания на Южном Урале представителя того же толка, Родиона Нифонтова, председателем сельсовета. Там же местные бюрократические инстанции не препятствуют религиозной жизни старообрядческих общин. В свою очередь это сказывается на отношении верующих к советской власти, которое, как констатировали в 1922 г. представители Советов, подчиненных Челябинскому губисполкому, оставалось «нейтральным или сочувственным» [Сляднев, 2003: 251–253].

Восприятие советской власти как избавителя, определенное доверие к ней, необходимость существовать в новых политических условиях подталкивали старообряд-

цев к поиску форм сотрудничества. Красочным выглядит пример Даниловской бегунской сельскохозяйственной артели «Аксиома» [Петров]. Причем старожилы достаточно быстро усваивают советские бюрократические нормы и делопроизводственный язык, что хорошо заметно на примере одного из интереснейших документов исследуемого периода — «Очерка истории странствующих православных христиан», составленного даниловским странником П. С. Морозовым для ВЦИК и лично М. И. Калинина. В «Очерке» достаточно полно описана насыщенная драматическими событиями история страннического согласия, полная гонений и внутренних расколов. И если мотивация составителя «Очерка» — стремление донести до советского руководства собственные взгляды и убеждения (в основном их непротиворечие официальной идеологии), то приложения к нему обращения и жалобы — попытка проинформировать власти о произволе низшего партийного аппарата, представители которого, будучи слабо осведомлены в особенностях учения странников, видят в них контрреволюционные элементы со всеми вытекающими для бегунов последствиями [Петров, 2010]. Действительно, некоторые догматические взгляды бегунов могли показаться советским карательным органам как минимум подозрительными, в частности, речь идет об одной из поздних особенностей учения — неприятия паспортов и иных документов.

П. С. Морозов констатирует, что послереволюционные годы стали для его единоверцев временем религиозной свободы и возможности жить открыто, не опасаясь преследований. В то же время он приводит множество фактов преследования странников местными партийными органами, обращая внимание адресатов на то, что общество странников исключительно религиозное, и его участники никакими политическими (революционными или контрреволюционными) взглядами не обладают и обладать не могут. Просьбы Морозова носят достаточно бытовой характер и касаются в основном вопросов возврата личного и богослужебного имущества, отобранного продовольственным комитетом и иными государственными представительствами [Петров].

«Очерк» насыщен невероятно сложными для предполагаемого адресата, хотя и достаточно лаконично составленными, списками особенностей вероучения, описанием специфики толкования природы Антихриста и аргументами в полемических спорах с представителями других толков. Но интересно не только то, что составляет текст «Очерка» и прилагаемых заявлений, но и то, как они составлены. Попытки найти общий язык коммуникации проявляются практически в каждой строчке. Автор использует непривычные для обладателя столь радикальных религиозно-мировоззренческих взглядов на новую советскую орфографию и гражданское летоисчисление, что является редчайшим случаем даже для внешней старообрядческой корреспонденции и говорит о высоком уровне готовности к компромиссу с новой властью.

Так или иначе, отсутствие сведений о возможном ответе Калинина или иных советских чиновников говорит о том, что усилия П. С. Морозова и его даниловских единомышленников не увенчались успехом. Артель функционировала до 1930 г. [Мальцев, 2000а:]. И именно в этот период (конец 20-х — начало 30-х гг.) фиксировавшиеся и до этого трения между советской властью и старообрядческими общинами перешли в острую фазу, когда советская репрессивная машина, заработав на полную мощность, уже не оставляла возможности для существования таким любопытным формам конфессионально-государственного взаимодействия. И если до 1929 г. официальные органы периодически еще позволяли себе вести антирелигиозную деятельность ненасиль-

ственными, пропагандистскими методами, то в дальнейшем ставка была сделана исключительно на карательные операции [Симоненков, 2012: 121].

«Обострение классово-религиозной борьбы в деревне», не оставляющее пространства для существования независимых религиозных организаций, невозможность вести привычный образ жизни вновь толкают странников к переходу в «аварийный режим» [Дутчак, 2007: 272], для которого характерен уход от коммуникации с «миром» [Дутчак, 2007: 253]. Усиление гонений ставит под угрозу взаимоотношения странников, «принявший крещение», и их единомышленников, более-менее интегрированных в общественно-государственную систему. Опасения за собственную безопасность заставляют первых уходить от контакта со вторыми, а вторых, соответственно, воздерживаться от того, чтобы принимать странников в своих домах или оказывать им поддержку [Дутчак, 2007: 277].

Также одной из характерных черт данного периода является вызванный актуализацией эсхатологических схем восприятия происходящих событий «ренессанс гарей». С проповедью самосожжения выступил в середине 30-х гг. вятский страннический наставник Христофор Иванович Зырянов [Мальцев, 2000б]. Воззрения этого религиозного деятеля дошли до нас лишь в полемических сочинениях его идеологических оппонентов. По мнению Зырянова, истинному верующему не следует дожидаться ареста или смерти от рук Антихриста в лице власти, единственным возможным выходом для странника является самоумерщвление. В числе цитат из наставлений Христофора Ивановича полемистом приводится один из основных его посылов: «Я всем разрешаю ... умирайте, а в руки мучителям не давайтесь» [Мальцев, 2000б]. Тем не менее сам Зырянов был арестован в 1935 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской пропаганде и после короткого следствия расстрелян в 1936 г. [Комелина, 2013: 150–151].

Было ли это результатом успеха проповеди Зырянова, или гари представлялись его единомышленникам единственным возможным методом борьбы против репрессивной машины, но в указанный период действительно отмечаются вспышки самоубийств старообрядцев. В уголовном деле Зырянова фигурирует цифра — 60 смертей, спровоцированных деятельностью наставника, среди которых несколько детей, в частности, некая Мария Пестрикова, пропажа которой инициировала расследование в отношении страннической общины [Комелина, 2013: 150–151].

Одним из самых известных эпизодов широкой репрессивной кампании можно назвать разгром страннического центра на р. Иксе в Томской области в апреле 1933 г. Причиной разгрома послужила антиколхозная пропаганда, которую вели жители поселения [Шигапов, 2016: 45]. До своего разорения в 1947 г. просуществовал Белобородовский скит в 100 км от Томска, который был обнаружен властями в ходе работы по подготовке строительства Сибирского химического комбината [Дутчак, 2007: 259].

Таким образом, в начале 1930-х гг. время бегунских артелей и начетчиков-председателей сельсоветов ушло, а на смену ему пришла эпоха жесткого идеологического единовластия, не признававшего самоценность альтернативных мирозренческих схем, а определенные надежды на революционные события, на новую власть обернулись для старообрядцев разочарованием и новыми, доселе невиданными по жестокости гонениями.

Безусловно, характеризуя взаимоотношения старообрядцев-странников и советской государственной системы в период 1920-х гг., никак нельзя называть их бесконфликтными или идиллическими. Однако, изучая различные примеры сотрудничества между

ними, мы можем сказать, что стороны этого взаимоотношения не воспринимали друг друга исключительно через парадигму антагонизма. В частности, множество фактов говорит о том, что старообрядцы искали и находили возможности для сотрудничества с новой властью, принимая ее авторитет и надеясь на нее в решении своих насущных проблем. Советская власть, в свою очередь, озабоченная в 1920-е гг. борьбой с гораздо более опасными идеологическими противниками в среде религиозных организаций — Русской православной церковью, также была готова к компромиссам для достижения своих локальных целей. К сожалению, подобные опыты не получили развития и практически повсеместно сошли на нет к началу 30-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безгодов А. А. Староверы-странники в Верещагинском районе Пермской области в 1920-х — 1930-х годах // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 283–288

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. 414 с.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М., 2009. 688 с.

Комелина Н. Г. Христофор Зырянов и его последователи в Вятском крае: из истории конфессиональных стереотипов // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013. С. 147–177 (Россия — Запад — Восток: Литературные и культурные связи).

Мальцев А. И. Старообрядческий наставник XX в. инок Арсений (А. В. Рябинин): материалы к биографии. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://starajavera.narod.ru/Malcev8.html> (дата обращения: 29.08.2017).

Мальцев А. И. Страннический наставник XX века Христофор Иванов и его учение. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://starajavera.narod.ru/Malcev14.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М., 2011. 680 с.

Петров С. Г. Староверы-странники и Советская власть: очерк истории странствующих православных христиан для председателя ВЦИК М. И. Калинина [Электронный ресурс]. URL: <http://starajavera.narod.ru/IstoriaStranniki2.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Пыжиков А. М. Истоки и траектория русского социализма // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 71–86.

Пыжиков А. М. Корни сталинского большевизма. М., 2015. 384 с.

Сажин Б. Б. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2015. С. 114–120.

Симоненков К. В. Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х — 1930-х гг. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. СПб., 2012. С. 119–126.

Сляднев М. Старообрядчество на Южном Урале (политика местных государственных органов по отношению к старообрядческим религиозным объединениям. 1917–

2002 г.). // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2003. Т. 10. № 2 (3). С. 248–254.

Шигапов С. Р. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда) // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 3 (41). С. 44–49.

Эткинд А. М. Секты, литература и революция. М., 1998. 688 с.

REFERENCES

Bezgodov A. A. Starovery-Stranniki v vereshchaginskom raione Permskoi oblasti v 1920-kh — 1930-kh godakh. [Old Believers (wanderings) of Vereshchagino's district of Perm region in 1920–1930s]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istorii: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii* (Ekaterinburg, 2–4 feb. 2017 g.). Ekaterinburg, 2017. Pp. 283–288.

Dutchak E. E. Iz “Vavilona” v “Belovod’e”: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.) [From “Babylon” to “Belovodie”: adaptive opportunities of the taiga communities of Old Believers (wanderings) (second half of XIX — beginning of XXI century)]. Tomsk, 2007. 414 p.

Zen'kovskii S. A. Russkoe staroobriadchestvo. (in 2 vol.) [Russian Old Believers]. *Compiled by G. M. Prokhorov, edited by V. V. Nekhotina*. M., 2009. 688 p.

Komelina N. G. Khristofor Zyrianov i ego posledovateli v Viatskom krae: iz istorii konfessional'nykh stereotipov. [Christophor Zyryanov and his followers in the Vyatsk region: from the history of confessional stereotypes]. *Mezhetnicheskie i mezhkonfessional'nye sviazi v russkoi literature i fol'klоре*. St.P, 2013. Pp. 147–177 (Rossiia — Zapad — Vostok: Literaturnye i kul'turnye sviazi).

Mal'tsev A. I. Staroobriadcheskii nastavnik XX v. inok Arsenii (A. V. Riabinin). Materialy k biografii. [Old Believer dogmatist of the XX century. The monk Arseny (A. V. Ryabinin). Materials for biography]. 2000. Available at: <http://starajavera.narod.ru/Malcev8.html> (accessed: 29.08.2017).

Mal'tsev A. I. Strannicheskii nastavnik XX veka Khristofor Ivanov i ego uchenie [Wanderings dogmatist of XX century Khristofor Ivanov and his teachings]. 2000. Available at: <http://starajavera.narod.ru/Malcev14.html> (accessed: August 21, 2017).

Pascal P. Protopop Avvakum i nachalo Raskola [Protopop Avvakum and the beginning of Great Schism (Raskol)] / Translated by S. S. Tolstogo; edited by E. M. Iukhimenko. Moscow, 2010. 680 p.

Petrov S. G. Starovery-stranniki i Sovetskaia vlast': ocherk istorii stranstvuiushchikh pravoslavnykh khristian dlia predsedatelia VTsIK M. I. Kalinina. [Old Believers and Soviet Authority: An Outline of the History of Wandering Orthodox Christians for the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee M. I. Kalinin]. Available at: <http://starajavera.narod.ru/IstoriaStranniki2.html> (accessed: August 21, 2017).

Pyzhikov A. M. Istoki i traektorii russkogo sotsializma. [The origins and trajectory of Russian socialism]. *Svobodnaia mysl'*. 2016. № 5 (1659). Pp. 71–86.

Pyzhikov A. M. Kornii stalinskogo bol'shevizma [The origins of Stalin's Bolshevism]. M., 2015. 384 p.

Sazhin B. B. Otnoshenie k staroobriadchestvu i religioznomu sektantstvu v revoliutsionnom narodnichestve v 70-e gg. XIX v. [The attitude of revolutionary narodniks to Old Believers and religious sectants in 1870s]. *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie*

i zarubezhnye sviazi. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Publ.: Buriatskii gosudarstvennyi universitet. Ulan-Ude, 2015. Pp. 114–120.

Simonenkov K. V. Staroobriadchestvo Kurskogo kraia v usloviakh sovetskoi antireligioznoi kampanii 1920-kh — 1930-kh gg. [Old Belief of Kursk region in conditions of Soviet anti-religious campaign in 1920-s — 1930-s]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina*. Sankt-Peterburg, 2012. Pp. 119–126.

Sliadnev M. Staroobriadchestvo na Iuzhnom Urale (politika mestnykh gosudarstvennykh organov po otnosheniiu k staroobriadcheskim religioznym ob'edineniiam. 1917–2002 gg.) [Old Belief in the Southern Urals (the policy of local state officials in relation to the Old Believer religious communities, 1917–2002)]. *Evrasiiskii zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy*. 2003. Vol. 10. № 2 (3). Pp. 248–254.

Shigapov S. R. Sovetskaia vlast' i starovery: razvitie vzaimootnoshenii v 1920–1930-e gg. (Na materialakh Tomskogo uezda) [Soviet Authority and the Old Believers: the progress of mutual relations in the 1920s — 1930s. (Based on documents of Tomsk district)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 3 (41). Pp. 44–49.

Etkind A. KhLYST (Sekty, literatura i revoliutsiia) [KHLYST (sects, literature and revolution)]. Moscow, 1998. 688 p.

С. Р. Чеджемов

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова,
Владикавказ (Россия)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА, ИСПОВЕДОВАВШИХ ИСЛАМ, В ТУРЦИЮ)

Анализируется актуальный вопрос в современном общественно-политическом восприятии истории России XIX в. — переселение некоторой части народов Кавказа в Турцию. Автор пытается ответить на вопрос: явилось ли мухаджирство осознанным религиозным стремлением самих переселяющихся или за этим просматривались определенные силы, далекие от истинных чувств мусульман? На основании анализа устного народного творчества как исторического источника автор делает вывод о том, что уже в первые годы пребывания в Турции ногайцы и осетины стали подавать прошения о разрешении им вернуться в Россию. Это их требование не находило поддержки, поскольку не входило в планы турецкого правительства. В отличие от него российское правительство Александра II, хотя в целом и не приветствовало религиозную эмиграцию, но разрешало как ногайцам, так и осетинам возвращаться на Родину. Основная идея статьи, отражающая исследовательскую концепцию автора, заключается в том, что дореволюционная Российская империя не была «тюрьмой народов».